

Научная статья

УДК 34.09

DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-1-40-47

Византийско-славянские церковно-правовые источники и их транзит в церковное право Древней Руси

Сергей Викторович Хрущёв

Гуманитарный университет

Екатеринбург, Россия

9122958808@mail.ru

Аннотация

В статье проведен анализ классификации законодательных сборников церковной тематики в Византии, при этом они разделены на канонические, гражданские и смешанные. На этой основе определены направления создания и развития актов систематизации источников канонического и церковного права – внутрицерковное, государственное и церковно-государственное. Установлено, что для славянских стран, прежде всего в Болгарии и Сербии, в социальном, государственно-правовом и церковно-правовом пространствах общность переведенных на славянский язык источников византийского церковного права выступила как нормативная основа деятельности национальных православных церквей. Автором формируется убеждение о том, что славянский транзит византийского церковно-правового наследия и действующих источников церковного права состоял в проникновении их на Русь частью уже в готовом, переведенном виде, способствуя их усвоению и переработкам, т. е. приспособлению к местным условиям.

Ключевые слова

Византия, церковно-правовые источники, систематизации источников канонического и церковного права, славянский транзит византийского церковно-правового наследия, Древняя Русь

Для цитирования

Хрущёв С. В. Византийско-славянские церковно-правовые источники и их транзит в церковное право Древней Руси // Юридическая наука и практика. 2026. Т. 22, № 1. С. 40–47. DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-1-40-47

Byzantine-Slavic Church Law Sources and Their Transit into the Church Law of Ancient Rus

Sergey V. Khrushchev

Humanitarian University

Yekaterinburg, Russian Federation

9122958808@mail.ru

Abstract

The article analyzes the classification of legislative collections on church matters in Byzantium, dividing them into canonical, civil, and mixed collections. Based on this analysis, the article identifies the directions for the creation and development of acts of systematization of sources of canonical and church law, including intra-church, state, and church-state acts. It has been established that for the Slavic countries, primarily Bulgaria and Serbia, the commonality of the Byzantine church law sources translated into Slavic served as the normative basis for the activities of the national Orthodox churches in the social, state, and church legal spheres. The author forms the belief that the Slavic transit of the Byzantine ecclesiastical legal heritage and the current sources of ecclesiastical law consisted in their penetration into Russia, partly in a ready-made, translated form, facilitating their assimilation and processing, i. e., adaptation to local conditions.

© Хрущёв С. В., 2026

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2026. Т. 22, № 1

Juridical Science and Practice, 2026, vol. 22, no. 1

Keywords

Byzantium, ecclesiastical and legal sources, systematization of sources of canonical and ecclesiastical law, Slavic transit of the Byzantine ecclesiastical and legal heritage, Ancient Rus

For citation

Khrushchev S. V. Byzantine-Slavic Church Law Sources and Their Transit into the Church Law of Ancient Rus. *Juridical Science and Practice*, 2026, vol. 22, no. 1, pp. 40–47. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-1-40-47

Разрешение дискуссионных вопросов различных форм взаимодействия, с одной стороны, государства, общества, личности и, с другой стороны, церкви и связанных с ней социальных норм влечет обращение исследователей и юридической науки к широкому кругу вопросов, в том числе; соотношению канонического и церковного права; возможностям повышения эффективности правового регулирования с их помощью; применению к определенному кругу лиц; следовательно, к необходимости изучению актов систематизации указанных форм права. Анализ, обобщение и оценка влияния византийского права на установления, связанные с деятельностью Православной церкви, во многом позволяют выявить правовую природу церковного законодательства в принявших православие славянских государствах и, соответственно, уяснить границы единого церковно-правового пространства Древней Руси.

Будем исходить из положения, что кодификация законодательства Юстиниана в позиционировании церковного права в системе византийского права стала главным фактором в его выделении в правовой системе, поскольку она определила место церковного права в римско-византийской правовой системе. Акты кодификации Юстиниана были буквально пронизаны положениями, относящимися к церковному праву, так как в Византии религия входила сферу государственных интересов и «священное право» – *jus sacrum* – относилось к публичному праву. Соответственно, церковное право выступало как часть византийского государственного права и представляло ветвь права – правовое образование, проходящее через все части кодификации и в той или иной мере в них представленное.

Церковные акты систематизации канонического и церковного права в Византии стали важным этапом в формировании и становлении нормативного регулирования всего комплекса государственно-церковных отношений. Их появление было связано с тем, что «обилие церковно-канонического материала вызывало необходимость его кодификации, составления сборников, которые бы облегчили практическое пользование ими» – заключает В. А. Цыпин. Далее исследователь обращает внимание и на то, что в сфере канонического и церковного права в Византии сложились «законодательные сборники церковной тематики», которые «по их составу можно разделить на три типа: 1) канонические, содержащие исключительно церковные правила; 2) гражданские, включающие в себя лишь государственные законы по церковным делам; и, наконец, 3) смешанные сборники, состоящие из тех и других законоположений – номоканоны» и указывает, что «по расположению законодательного материала различаются сборники двух типов: хронологические, в которые включались каноны или законы и помещались в хронологической последовательности; и систематические, в которых церковноправовой материал группировался» [1, с. 88].

Указанная классификация актов систематизации источников канонического и церковного права показывает направления их создания и развития – внутрицерковное, государственное и церковно-государственное. Им соответствовали и три их основные формы систематизации церковно-правовых материалов: сборники актов канонического права – церковных правил; сборники церковного права – систематизированные подборки государственных законов по делам Церкви; сборники церковных правил и государственных законов – номоканоны. При этом уточним, что первая и вторая формы в Византии в силу включенности канонического и церковного права в государственно-правовую систему империи были тесно взаимосвязаны и их со-

здание шло почти одновременно, что обеспечивало переход к третьей форме актов, получившей в дальнейшем название «номоканон».

Сборники актов канонического и церковного права, своими истоками уходящие к периоду вселенских соборов, становились «формальным источником, из которого почерпалось познание действующих постановлений» и через них «церковное и светское законодательства прилагались к регулированию текущей церковной жизни обыкновенно в форме этих сборников» – отмечает М. А. Остроумов, подчеркивая, что «сборники представляли вид кодексов, но не кодексов, изданных в законодательном порядке, подобно кодексам Феодосия или Юстиниана, а кодексов, составленных частными лицами... Будучи частными по своему происхождению, они, однако, в сущности были публичными по своему употреблению, достигая этого публичного употребления, конечно, не в силу своего происхождения от тех или других (большей частью неизвестных) частных лиц, а в силу, во-первых, авторитета своего материального содержания, и во-вторых, своей формы, представлявшей известные удобства для практического их употребления» [2, с. 242–243].

Первоначально систематизация церковно-правового материала пошла по пути создания сборников канонических актов, которые положили начало активным систематизационным процессам в сфере византийского церковного права силами его знатоков – канонистов. Тем самым каноническое право органически включалось в механизмы и формы государственного правового регулирования и обеспечивало их согласование на государственном и церковном уровнях.

Канонические сборники уходили своими истоками к IV в., когда был издан «Корпус канонов» – «Понтийский сборник». Этот сборник, получивший название по названию объединения провинций Римской империи – Понтийский диоцез – представлял хронологическую подборку пронумерованных канонов Анкирского Собора и правила Неокесарийского Собора. Позднее, в IV–V вв., в сборник были включены каноны более поздних соборов. Древнейший сохранившийся канонический сборник «Синописис» (Συνψις) относился к VI в. и включал в хронологическом порядке подвергшиеся сокращению Апостольские правила и каноны первых трех вселенских соборов. По мере проведения новых соборов содержание сборника дополнялось. Позднее дополнительно и параллельно сборникам канонов стали появляться и сборники светских законов по делам церкви. Первым таким опытом стал «Сборник 60 титулов» и приложение к нему – «Собрание 25 глав» (*Collectio XXV capitulorum*), созданные между 534 и 550 г. «Сборник 60 титулов» содержал 85 апостольских правил и 224 правила соборов на основе более ранних собраний канонов. «Собрание 25 глав» представляло фрагменты церковного законодательства четырех титулов первой книги Кодекса и трех новелл Юстиниана [1, с. 88–89]. И хотя этот сборник в оригинале не сохранился, но последующие акты неизменно обращались к нему как первооснове последующих изданий.

Систематизация церковно-правовых актов Константинопольского патриарха Иоанна III Схоластика положила начало принципиально новому этапу в развитии церковного права. Именно им были созданы два согласованных между собой сборника – «Синагога 50 титулов» и «Собрание 87 глав», которые предназначались для использования церковными и светскими властями. Они содержали – в первом церковно-канонический, а во втором – церковно-юридический правовой материал. В их основу были положены созданные ранее «Сборник 60 титулов» и «Собрание 25 глав». Сборники Схоластика были утверждены в качестве официальных систематизированных источников церковного права и разосланы по церковным учреждениям для практического использования. Именно трудами Схоластика было заложено в практиках церковной систематизации «появление нового церковно-юридического жанра – номоканона, в котором императорские постановления о Церкви соседствовали с церковными канонами в рамках единого правового кодекса», – подчеркивают Д. В. Зайцев и К. А. Максимович [3, с. 478–481].

Систематизация под названием «Синагога церковных канонов» (Συναγωγή κανόνων ἐκκλησιαστικῶν) выступала как компиляция исключительно канонического права и состояла из церковных канонов. Предисловие отсылало к первому изданию правил Церкви – «Сборнику 60 титулов» и перечисляло 85 апостольских правил, каноны первых четырех вселенских и шести поместных соборов и два канонических послания Василия Великого. Содержательно канонический материал был тематически распределен по образцу деления Дигест на 50 книг по 50 титулов с определением под ним отдельных вопросов и содержанием относящихся к нему правил с обозначением источника [4].

«Собрание 87 глав» (Collectio 87 capitulorum) являлось дополнением к «Синагоге» и содержало выдержки из новелл Юстиниана относительно Церкви. Характерно, что собрание указывало на различие в праве Церкви канонического и церковного права. Этот акт систематизации был построен по тематическому принципу и содержал краткое предисловие, оглавление с кратким изложением содержания сборника, а затем по 87 главам содержательно был представлен государственный законодательный материал, связанный с деятельностью Церкви.

Созданные Схоластиком сборники канонов и законов получили широкое распространение в церковных и светских кругах, были переведены на ряд языков и стимулировали дальнейшее развитие церковных практик по систематизации канонического и законодательского материала по делам Церкви. Тем самым было положено начало систематизации церковного права и определена на будущее форма актов церковного права.

В конце VI – начале VII в. константинопольский патриарх Евтихий и его помощник Иоанн Постник создали сборник канонов – «Каноническую Синтагму» (Συνταγμα κανονικῶν), состоящую из двух частей. Первая часть выступала в виде систематического указателя из 14 титулов с заглавиями, характеризующими основные предметы канонического права, а также делением на главы с указанием номеров правил относящихся к ним, охватывающие вопросы богословия, постройки и освящения церквей, проведения церковных служб, церковных праздников, церковного суда, управления церковным имуществом, о монастырях и монахах и др. Вторая часть содержала тексты канонов в хронологическом порядке. В это же время авторами Синтагмы был составлен «Сборник церковных законов» (Collectio constitutionum ecclesiasticorum), получивший по количеству частей название «Трехчастный сборник» – Collectio tripartita. Первая часть сборника содержала извлечения узаконений из Кодекса Юстиниана, посвященные церковным делам, вторая – из Дигест и Институций по церковному праву, третья – из новелл юстиниановской кодификации и более поздних их дополнений [1]. Все эти акты систематизации церковно-правового материала выступили в качестве «протономоканонов» и обозначили продвижение к формированию классического номоканона [5, с. 38].

Номоканон в систематизации и системе источников византийского канонического и церковного права начинает занимать ведущее место в конце VI в. Само его название – номоканон – происходило от греческого νόμος – закон и κανὼν – церковное правило и означало в византийской правовой традиции «систематизированный кодекс, в котором церковные каноны объединены со светскими законами по церковным вопросам». Соответственно, «данный тип юридического сборника не мог возникнуть до формирования развитой системы светского (императорского) законодательства по делам Церкви. Такая система формируется только после правления императора Юстиниана», и поэтому номоканоны в конце VI в. возникают в подлинном смысле слова, и «практически появление номоканона означало окончательное формирование христианской империи с единым государственно-церковным правом» [5, с. 38–40]. В соответствии с этим подходом в церковном праве возникает единый его источник как акт систематизации церковного права – номоканон.

Впоследствии термин «номоканон» укоренился в богословии и юриспруденции в качестве обозначения акта систематизации церковно-правового материала, в котором церковные каноны как внутреннее право Церкви согласованы и текстуально объединены со светскими законами в качестве внешнего права Церкви и составляли единый акт систематизации нормативного

материала, относящийся к церковным делам. Номоканон представлял собой сборник «заключающих в себе в одном общем своде, с одной стороны, церковные правила, а с другой – императорские постановления по церковным делам. Появление сборников подобного рода обуславливалось той же практической потребностью удобства, какой вызваны и систематические собрания церковных правил. Одним цельным сборником удобнее пользоваться на практике, чем двумя, содержащими порознь церковные правила и государственные постановления», – подчеркивает И. С. Бердников [6, с. 76]. Составление номоканонов с конца VI в. в систематизационных практиках Церкви приобретает главенствующее значение, и в последующем определяются два их главных образца – 50 и 14 титулов, а затем и их многочисленные редакции.

«Номоканон 50 титулов», составленный неизвестным лицом в конце VI в., стал одним из ранних церковных сборников канонов и законов. Он был создан на основе сборников Схоластика, которые были с некоторыми изменениями текстуально объединены в единое целое. Этот номоканон использовался под различными названиями – «Законных постановлений, согласующихся с подлежащими канонами» (Τὰ συνάδοντα νομίζα τῶν προκειμένων κανόνων), «Начертания 50 титулов» (Ἰποτύψεις τῶν ν' τίτλων). Позднее этот сборник получил название «Номоканон в 50 титулах», который стало общепринятым. Оба сборника Схоластика при соединении их в номоканон подверглись некоторым изменениям. Этот акт делился на 50 титулов с заглавием к каждому из них, в которых были представлены числа, указывающие на каноны по «Синагоге» без приведения их полного текста. К каждому титулу были приведены положения из «Собрания 87 глав» с дополнением более поздних обработок церковно-правового материала византийскими юристами. Этот, по своей сущности, первый номоканон активно использовался в Византии, в более поздних редакциях был переработан и дополнен полными текстами канонов, став основой для дальнейшего развития этого вида сборников церковного права [7, с. 40].

«Номоканон 14 титулов», составленный во второй трети VII в., стал основным актом систематизации канонического и церковного права Православной восточной церкви. Его автор – византийский юрист Энантиофан – разъяснял противоречия в законах, при систематизации опирался на предшествующие «Синтагму» и Сборник церковных законов Евтихия и Постника с привлечением текстов кодификации Юстиниана и разделил церковно-правовой материал тематически на 14 титулов с интеграцией в них канонов и законов. Созданный номоканон был санкционирован константинопольским патриархом и стал источником церковного права. В VII–XII вв. текст этого номоканона подвергался редакциям – в 566 г. последовала улучшенная версия с отказом от преобладания латинской терминологии. Возникшая в период 787 и 861 гг. редакция была дополнена предисловием патриарха Фотия и рядом новых положений. В редакции 882–883 гг. номоканон был снова переработан – снабжен новым предисловием, расширен в части канонов и нового императорского законодательства, и в целом в фотиевской редакции стал наиболее распространенным сборником церковного права в Византии после IX в. Последующие редакции были дополнены новыми предисловиями и комментариями, последнюю из которых около 1180 г. осуществил византийский канонист Феодор Вальсамон [5, с. 39–40].

Славянский транзит источников византийского церковного права в Древнюю Русь явился решающим фактором в формировании и в первоначальном оформлении права Русской православной церкви и его позиционировании в пространстве древнерусского права. Принятие христианства в качестве государственной религии народами Центральной и Юго-Восточной Европы в IX – первой половине XI в. повлекло обоснование в них управленческих структур местных поместных церквей под общим управлением константинопольского патриархата с использованием византийского церковного права [8].

В среде принявших крещение от Константинополя славянских народов – болгары в 864 г., сербы – около 870 г. и русы в 988 г. – с созданием братьями Кириллом и Мефодием в IX в. славянского языка и переводом ими с греческого необходимых для христианской церкви книг: Евангелия, Апостола, Псалтири, литургических текстов, некоторых актов церковного права, –

происходит образование единого церковно-славянского языка. Последний выступал в качестве средства обеспечения доступности источников церковного права, и на его основе «сформировалась славяно-византийская, православная правовая конгломерация, объединяющая в своей основе системы христианизированного римского права, канонического права греческой (ромейской) церкви, а также законодательство, правовые обычаи и судебную практику таких древнеславянских народов, как сербы, болгары и русы», – утверждают А. Джорджиевич, А. Ристов и А. В. Серегин [9, с. 9–18].

Общие черты укоренения Православной церкви в славянских странах определялись процессами перевода, рецепции и адаптации источников византийского права в местной церковной традиции. Актовый материал византийского церковного права через местные православные церкви в переводах на церковнославянский язык распространялся, рецептировался, адаптировался и входил в государственно-правовые пространства славянских стран. Отдельные государственные узаконения с положениями церковного характера из кодификации Юстиниана и последующих актов систематизации узаконений и византийские классические номоканоны в целом или частично были переведены в Болгарии и Сербии. Эклога была переведена с греческого языка на церковнославянский в Болгарии уже в середине XIV в. и сохранилась в восточнославянских списках под названием «Мерило Праведное». Там же в конце IX – первой четверти X в. были переведены отдельные части Прохирона [10, с. 86–97; 11, с. 48–58].

Переводы актов церковной систематизации византийских узаконений и, особенно, номоканонов, внесли наиболее значительный вклад в рецептивные практики. «Синтагма 14 титулов» и в качестве приложения к ней «Собрание 87 глав» Иоанна Схоластика в первой половине X в. в Болгарии на основе греческой рукописи были переведены на церковнославянский язык. В начале XIII в. в Сербии в связи с образованием в ней автокефальной Православной церкви при Савве Сербском был сделан новый перевод оригинала «Собрания 87 глав» с особым оглавлением и там же фрагментарно был переведен «Номоканон XIV титулов». Характерно, что этот акт церковного права – первый древнерусский перевод около 1170 г., предположительно был сделан русскими монахами на Афоне как составная часть византийского церковно-дисциплинарного сборника «Пандекты» Никона Черногорца. Вместе с тем многие византийские законодательные акты о Церкви не были известны славянским книжникам, а целенаправленная и системная работа по переводу византийского законодательства отсутствовала. Тем не менее на славянские языки не были приведены такие значимые источники византийского церковного права, как «Исагога», «Василики» и др. [12, с. 108–112].

В целом, в социальном, государственно-правовом и церковно-правовом пространстве славянских стран, прежде всего в Болгарии и Сербии, общность источников византийского церковного права, переведенных на славянский язык, выступила как нормативная основа деятельности национальных православных церквей. В данном контексте представляется возможным говорить уже о рецептивно-адаптационной модели византийско-славянского церковного права, поскольку «процесс усвоения византийского наследия первыми славянскими государствами Центральной и Юго-Восточной Европы – Моравией и Болгарией, еще до того, как культурными ценностями державы ромеев активно заинтересовались восточные славяне, привел к тому, что в IX–X вв. на древнеславянский язык были переведены многие сочинения, в которых излагались основы христианского исповедания и содержалась информация, важная для познания византийской цивилизации», и, соответственно, славянский транзит византийского церковно-правового наследия и действующих источников церковного права состоял в том, что «эти сочинения проникали на Русь частью уже в готовом, переведенном виде, что способствовало их усвоению и переработкам – приспособлению к местным условиям», – заключает Я. Н. Шапов [13, с. 6].

Подводя итоги рассмотренным вопросам, подчеркнем, что в Византии к началу IX в. сформировался и получил развитие комплекс актов систематизации источников права Церкви, который имел особое значение для позиционирования православия как государственной рели-

гии в лице Православной церкви, поскольку определял церковное право в качестве одного из главных направлений в развитии византийского права. Указанные процессы выделили сферу церковного права в византийской правовой системе, на этой основе с X в. и до падения Византии в 1453 г. начинает формироваться право православных церквей в принявших христианство славянских странах. При этом церковные сборники, первоначально отдельно создаваемые в сфере канонического и церковного права, на уровне номоканонов систематизировали и связали в единое целое его источники. Именно на этой базе и посредством славянского транзита – переводов на церковнославянский язык источников византийского права – начинает формироваться относительно единое церковно-правовое пространство принявших христианство славянских стран, а затем определяется и специфика санкционирования, систематизации, рецепции и адаптации византийско-славянского церковного права в качестве уже права Русской православной церкви в Древней Руси.

Список литературы

1. **Цыпин В. А.** Курс церковного права: учеб. пособие. Клин: Христиан. жизнь, 2004. 700 с.
2. **Остроумов М. А.** Очерк православного церковного права. Ч. 1: Введение в православное церковное право. Харьков: тип. Губ. правл., 1893. 672 с.
3. **Зайцев Д. В., Максимович К. А.** Иоанн III Схоластик // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр, 2010. Т. 23. С. 478–481.
4. **Бенешевич В. Н.** Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика: к древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1914. 345 с.
5. **Максимович К. А.** Номоканон XIV титулов // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр, 2018. Т. 52. С. 38–40.
6. **Бердников И. С.** Краткий курс церковного права Православной Церкви. Вып. 1. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1903–1913. 324 с.
7. **Максимович К. А.** Номоканон 50 титулов // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр, 2018. Т. 52. С. 40.
8. **Литаврин Г. Г., Иванова О. В., Наумов Е. П.** и др. Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси; отв. ред. Г. Г. Литаврин; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1988. 268 с.
9. **Джорджиевич А., Ристов А., Серегин А. В.** Основные черты славяно-византийской юридической конгломерации // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. Т. 6. № 2. С. 9–18.
10. **Пичхадзе А. А.** Славянский перевод Эклоги // Тр. Ин-та рус. языка им. В. В. Виноградова. 2016. № 3 (9). С. 86–97.
11. **Щапов Я. Н.** Прохирон в восточнославянской письменности // Византийский временник. 1977. Т. 38, № 63. С. 48–58.
12. **Щапов Я. Н.** Собрание новелл Юстиниана в 87 главах в древнерусской письменности // Древнее право. Ivs antiquvm. 1998. № 1 (3). С. 108–112.
13. **Щапов Я. Н.** Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 1978. 291 с.

References

1. **Tsy-pin V. A.** Course of Church law: textbook. stipend. Klin: Christian. life publ., 2004. 700 p. (in Russ.)
2. **Ostroumov M. A.** An essay on Orthodox Church law. Part 1: Introduction to Orthodox Church law. Kharkov: tip. Gubernatorial Institute, 1893. 672 p. (in Russ.)

3. **Zaitsev D. V., Maksimovich K. A.** John III Scholastic. *Orthodox Encyclopedia*. Moscow: Church Scientific Center, 2010, vol. 23, pp. 478–481. (in Russ.)
4. **Beneshevich V. N.** Synagogue in 50 titles and other legal collections of John Scholastic: To the ancient times. The history of sources of law of the Greek East. Churches. St. Petersburg: V. Kirschbaum's Printing House, 1914, 345 p. (in Russ.)
5. **Maksimovich K. A.** Nomokanon of the XIV Titles. *Orthodox Encyclopedia*. Moscow: Church Scientific Center, 2018, vol. 52, pp. 38–40. (in Russ.)
6. **Berdnikov I. S.** A Brief Course on the Church Law of the Orthodox Church. Issue 1. Kazan: Printing House of the Imperial University, 1903–1913, 324 p. (in Russ.)
7. **Maksimovich K. A.** Nomokanon of 50 Titles. *Orthodox Encyclopedia*. Moscow: Church and Scientific Center, 2018, vol. 52, p. 40. (in Russ.)
8. **Litavrin G. G., Ivanova O. V., Naumov E. P.** et al. The adoption of Christianity by the peoples of Central and Southeastern Europe and the baptism of Rus; Edited by G. G. Litavrin; USSR Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies and Balkanistics. Moscow: Nauka Publ., 1988, 268 p. (in Russ.)
9. **Georgievich A., Ristov A., Seregin A. V.** The main features of the Slavic-Byzantine legal conglomeration. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*, 2019, vol. 6, no. 2, pp. 9–18. (in Russ.)
10. **Pichkhadze A. A.** Slavic translation of the Eclogue. *Proceedings of the Vinogradov Institute of the Russian Language*, 2016, no. 3 (9), pp. 86–97. (in Russ.)
11. **Shchapov Ya. N.** Prohiron in East Slavic writing. *Byzantine Time Periodical*, 1977, vol. 38, no. 63, pp. 48–58. (in Russ.)
12. **Shchapov Ya. N.** Collection of Justinian's novels in 87 chapters in Ancient Russian writing. *Ancient law. Ivs Ansqvvm*, 1998, no. 1 (3), pp. 108–112. (in Russ.)
13. **Shchapov Ya. N.** Byzantine and South Slavic legal heritage in Russia in the XI–XIII centuries. Moscow: Nauka publ., 1978, 291 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Хрущёв Сергей Викторович, аспирант кафедры публичного права юридического факультета Гуманитарного университета

Information about the Author

Sergey V. Khrushchev, Postgraduate Student of the Department of Public Law at the Faculty of Law at the Humanitarian University (Yekaterinburg)

*Статья поступила в редакцию 21.01.2026;
одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 09.02.2026*
*The article was submitted 21.01.2026;
approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 09.02.2026*